

На периферии концепта «президентство» – такие понятия, как «период правления» – *simply the period when a president runs* (просто период правления президента), *Presidency is the period of time when the President functions* (президентство – это период правления президента) – 1 %.

Выводы

1. Концепты «президент» и «президентство» имеют сходную структуру, при этом концепт «президентство» имеет более положительную окраску по сравнению с концептом «президент».

2. Общими признаками, формирующими ядро лингвокультурных концептов «президент» и «президентство» в сознании носителей американской лингвокультуры, являются образы конкретных президентов (Б. Обама, Дж. Буш, Р. Рейган); негативная оценка концептов *президент* и *президентство*; понятия *лидерство*, *нынешний глава государства*.

3. Концепт «президент» обладает следующими уникальными признаками: а) президент как пример для подражания; б) президент как символ страны; в) внешний образ президента; д) отношение к посту президента как к обычной работе; е) параллель с президентством в целом.

4. «Президентство» как лингвокультурный концепт имеет следующие отличительные признаки: а) президентство как система управления; б) проявление уважения к системе управления; в) период правления; д) политическая партия; е) кандидат в президенты.

5. Одним из общих признаков, формирующих ядро лингвокультурных концептов «президент» и «президентство» в сознании носителей американской лингвокультуры, являются образы конкретных президентов – Б. Обама, Дж. Буша, Р. Рейгана. Отличительная черта – имена президентов, входящих в структуру обоих концептов, в то время как образы таких президентов, как Дж. Вашингтон, Дж. Кеннеди, А. Линкольн, В. Уилсон, Дж. Картер, характерны только для концепта «президент».

Литература

1. Слышкин Г. Г. Государственные деятели: след в языковом сознании // *Обозреватель-Observer*. 2004. № 8 (175). С. 116 – 125.
2. Карасик В. И., Слышкин Г. Г. Лингвокультурный концепт как единица исследования // *Методологические проблемы когнитивной лингвистики*. Воронеж, 2001. С. 75 – 80.

3. Черноморец М. В. Лингвокультурные концепты германских канцлеров : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2010. 20 с.

Concepts “President” and “Presidency” in the consciousness of American linguistic culture informants

There are analysed the concepts “President” and “Presidency” in the consciousness of American linguistic culture informants. There are given the results of the free associative experiment. There is revealed the concept structure.

Key words: *concept, president, presidency, American linguistic culture, linguistic consciousness.*

Е. В. СОЛОДКОВА
(Иркутск)

КОНЦЕПТ “BODY” В АНГЛИЙСКОМ ЖЕНСКОМ АВТОРЕФЕРЕНТНОМ ДИСКУРСЕ

Вводится понятие автореферентного дискурса, под которым понимается сообщение о собственной идентичности, т. е. дискурс человека о себе как о главном референте. Рассматриваются характеристики женского автореферентного дискурса в американской и британской культурах. Определено некое «гендерное ядро» женской коммуникативной личности – стремление к прототипической фемининности, главным концептом которой является концепт “Body”.

Ключевые слова: *дискурс, концепт, референция, автореференция, автореферентный дискурс, идентичность, гендер.*

Понятие дискурса, очень широкое и многомерное, несмотря на свою достаточную изученность, требует дальнейшего уточнения и конкретизации. Е. С. Кубрякова указывает на многозначность термина «дискурс», обусловленную тем, что за ним стоит сложная структура знаний, и подчеркивает, что сегодня это понятие нуждается именно в том, чтобы перечислить его критериальные признаки и ясно очертить границы между дискурсивными и недискурсивными явлениями [5, с. 23 – 25].

В данной статье вводится понятие автореферентного дискурса, определяемого нами как дискурс, в котором говорящий или пишущий порождает сообщение о собственной идентичности. Введение в теорию дискурса нового понятия и термина позволяет объединить трактованные ранее как совершенно разрозненные эмпирические данные (автобиография, исповедь, задушевный разговор о личном, частное письмо о своей жизни и т.п.) и обнаружить лежащую в их основе единую когнитивную структуру – автореференцию.

Понятие автореференции (в некоторых переводах – аутореференции) было введено в лингвистику Э. Бенвенистом. Он дает широкую и неоднозначную трактовку этого понятия; во-первых, автореференция понимается им как свойство любого высказывания, связывающее его со своим автором; во-вторых, как свойство речевого акта перформатива, связывающее его с создаваемой в нем впервые реальностью, с новым положением вещей в мире [2]. Такая всеобъемлющая трактовка, на наш взгляд, требует уточнения применительно к конкретным лингвистическим исследованиям в области теории референции.

В нашей работе мы принимаем теорию референции, согласно которой различаются понятия референции и автореференции. Под референцией понимается указание на предмет, выделение адресантом из поля своего знания или восприятия того объекта, о котором делается сообщение. Прагматическая же обусловленность референции, которая зависит прежде всего от автора речи, с особенной очевидностью обнаруживает себя при автореферентных номинациях, т.е. номинациях, относимых автором речи к самому себе [1, с. 204].

В качестве основной характеристики автореферентного дискурса мы выделяем его соотнесенность с центральным референтом, которым является сам говорящий, в результате чего в процесс референции вплетается механизм самоидентификации, благодаря которому субъект самоидентифицирующих высказываний позиционирует себя как уникального индивида. Автореферентный дискурс – это сообщение говорящего/пишущего, в первую очередь, о самом себе и лишь во вторую очередь – о других объектах мира.

Представление идентичности в рамках автореферентного дискурса гендерно специфично; в данной статье мы рассматриваем женский автореферентный дискурс. Гендер определяется в современной науке как социаль-

ный пол: социально-детерминированные роли, идентичности и сферы деятельности мужчин и женщин, зависящие не от биологических половых различий, а от социальной организации общества. Поскольку гендер – это социальный конструкт, он предполагает самоосознание и самоопределение. Гендерная идентичность рассматривается как базовая структура социальной идентичности, которая характеризует человека с точки зрения его принадлежности к мужской или женской группе. Она определяется как чувство самотождественности, собственной истинности, полноценности, сопричастности миру и другим людям. Идентичность опирается на осознание временной протяженности собственного существования, предполагает восприятие собственной целостности, позволяет человеку определять степень своего сходства с другими людьми при одновременном видении своей уникальности. Гендер также и языковой конструкт, гендерная идентичность конструируется в процессе социализации под влиянием социальных факторов, в том числе и языка, когда личность усваивает набор социальных ролей, соответствующих ее статусу и половой принадлежности [4; 7; 10; 11; 12], и др.

С.Н. Плотникова отмечает важность понятия гендерной идентичности для исследования дискурса, поскольку именно идентичность определяет «дискурсивную экзистенцию» человека – его «существование» в том или ином однотипном дискурсе, постоянное порождение такого дискурса, его воспроизведение во все новых и новых ситуациях. Например, идентичность «Жена» – это действия, качества, состояния, продуцируемые телом женщины, а также дискурс, продуцируемый ее Я, личностью, самостью, определяющими ее спонтанное бытие самой собой. Согласно этой теории, когда человек принимает свою идентичность и соответствует ей, он с легкостью порождает требуемый ею дискурс, когда же он отторгает свою идентичность, борется с ней, то ему свойственна «дискурсивная фрустрация», нежелание породить данный тип дискурса [6].

Как показал анализ, в британской и американской культурах дискурсивная экзистенция женщины включает в себя продуцирование не только дискурса женских гендерных ролей, но и автореферентного дискурса о самой себе в той или иной гендерной роли. Женщина в данных культурах открыто рассказывает о себе, зачастую делясь информацией о

самых интимных сторонах своей жизни, что, в целом, не типично для ряда других культур, в частности для российской. Так, в автобиографии актрисы К. Харисон выделяется фрагмент автореферентного дискурса, описывающий ее в гендерной роли дочери. Пишущая обнажает перед адресатом самую глубинную истину, на которой базировалась коммуникация в структурной паре гендерных ролей «Мать – Дочь», а именно: ее мать пыталась всем своим поведением и дискурсом ограничить ее в еде, чтобы с детства сформировать у нее «нужное» тело, соответствующее культурным нормам и ожиданиям. При этом пишущая уверена, что подобная коммуникация между матерью и дочерью на тему еды свойственна и другим семьям: *An uneasy relationship with food is the standard example in cases such as my mother's and mine. At fifteen, when I stop eating, is it because I want to secure her grudging admiration? Do I want to make myself smaller and smaller until I disappear, truly becoming my mother's daughter, the one she doesn't see?*

В этом примере, как и во всем автореферентном дискурсе в целом, четко выделяется когнитивная структура автореференции: наличие двух Я пишущей – Я как метареферента, относящегося ко времени повествования, в данном случае – времени написания автобиографии, и Я как референта, центрального объекта, о котором ведется повествование. При этом метареферент (Я рефлексивное) превалирует над референтом (Я как объект рефлексии). Взрослая женщина размышляет над стандартизированными в ее культуре отношениями между матерью и дочерью (*the standard example*). В подростковом возрасте она испытывала дискурсивную фрустрацию от общения с матерью, т.к. не принимала идентичность, которую ей навязывала мать. Ее внутреннее состояние передается посредством вопросительных предложений, обращенных к самой себе (*is it because I want to secure her grudging admiration? Do I want to make myself smaller and smaller until I disappear, truly becoming my mother's daughter, the one she doesn't see?*). Однако это вопросы не пятнадцатилетней девочки; когнитивная структура автореференции позволяет произвести замену одного Я пишущей на другое, представить дискурс пятнадцатилетней девочки как дискурс взрослой женщины с ее глубоким пониманием происходивших в ее прошлом событий. В интерпретации взрослой женщины обнаруживается осознание ею когнитивной зависимости доче-

ри от своей гендерной роли. Она была обязана подчиняться матери, поскольку неповиновение могло спровоцировать со стороны матери гнев и отчуждение; осознание этого факта выражается с помощью прилагательных с негативной семантикой (*grudging, uneasy*).

Несомненно, главным концептом, к которому возводится анализируемый фрагмент, является концепт “Body”, несмотря на то что лексема *body* в нем отсутствует. В.И. Карасик определяет концепт как «культурно отмеченный вербализованный смысл, представленный в плане выражения целым рядом своих языковых реализаций, образующих соответствующую лексико-семантическую парадигму» [3, с. 47]. В данном случае актуализация концепта “Body” доказывается процедурой инферции – логического вывода на основе ассоциативных семантических связей: *Do I want to make myself smaller and smaller? → Do I want to make my body smaller and smaller?*

Восприятие матерью собственной дочери через ее «телесность» приводит к тому, что положительная оценка со стороны матери и ее любовь зависят от соответствия дочери необходимому образу, в связи с чем пишущая размышляет над темой «тела», прототипического женского тела, свойственного ее культуре: *Her gifts are valuable in that they always provide clues as to how I might ingratiate myself. If she gives me a dress in a size six, then I know to alter my size ten self to fit it. I can make myself the creature she imagines she might love, at least while standing in the store where she buys the dress.* И здесь лексема *body* не упоминается, но дискурс опять имплицитно возводится к концепту “Body”. Он выводится с помощью семантических ассоциатов *dress* и *size* и, являясь гиперонимом по отношению к ним, становится, тем самым, главным опорным концептом дискурса: *dress; size → “Body”*.

Ю.С. Степанов отмечает, что концепт многомерен, и его многомерность проявляется в присутствии в его семантике концептуальных признаков [9, с. 42]. Если мы обратимся к словарям, то обнаружим в структуре концепта “Body” лишь признаки, описывающие анатомическое строение человеческого тела. Ср.: *With regard to living things, a body is the physical body of an individual. “Body” often is used in connection with appearance, health issues and death. The human body mostly consists of a head, neck, torso, two arms and two legs, as well as numerous internal organ groups such as respiratory, circulatory and a central nervous system* [13];

Body is the structure consisting of bones and flesh etc. of a person or animal; the main part of this apart from the head and limbs [14].

Однако каждая женщина, являясь носителем данного концепта, включает в его структуру дополнительные признаки: «стройность»/«полнота». В анализируемом примере в качестве условия прототипической фемининности воспринимается первый из этих признаков, в то же время в британской и американской культурах отмечается и наличие прямо противоположного отношения к своему телу у многих полных женщин, не стремящихся соответствовать прототипу «стройного тела». Что касается рассматриваемого примера, то в нем именно признаку «стройность» придается позитивная аксиологическая оценочность, что выражается в мелиоративном коннотативном значении прилагательного *small* как характеристики женского тела и в противопоставлении по оценочной шкале «хорошо – плохо» тел, носящих одежду меньшего и большего размера (*If she gives me a dress in a size six, then I know to alter my size self to fit it*).

Далее мы узнаем, что пишущая, несмотря на внутренний протест против поведения и дискурса матери относительно своего тела, все же полностью подчиняется навязываемому ей образу: *Or am I so angry at her endless nagging me about my weight that I decide I'll never again give her the opportunity to say a word to me about my size. You want thin? I remember thinking, I'll give you thin. I'll definitely be thin, not you.*

Высказывание (*I'll definitely be thin, not you*) можно рассматривать как момент самоидентификации, поскольку сравнение пишущей себя со своей матерью по внешнему признаку, даже внутренне отвергаемому, и возвышение над матерью, «победа» над ней включают в ее мотивационную сферу данный признак как истинно женский. Переносясь из прошлого в настоящее, женщина мыслит себя во временной протяженности, что предполагает восприятие собственной целостности, т.е. она когнитивно и дискурсивно конструирует свою идентичность как свою «телесность», длящуюся во времени: *I like nothing so much as taking my clothes off, I do now that I'm so thin. Each day, I undress countless times and stand on the scale. In public restrooms, I wait until I am alone so that I can lift my shirt and admire my ribs in the mirror. Seeing myself is enough to make me gasp with pleasure, to make my hands shake with ex-*

citement. I am amazed by this body I've made. For women like my mother and myself, careful listeners to society's normative messages of beauty and gender, a body such as my father's and his utter lack of self-consciousness over it are as subversive and disquieting as is his readiness to weep.

Используя принятые термины, можно сказать, что женщина благодарна своей матери за то, что ей удалось достичь прототипической для ее культуры фемининности, что позволило ей стать известной актрисой. Ее мать смогла понять закрепленную в культурном сознании когнитивную модель женской внешности и научила ее прислушиваться к требованиям данного сообщества. Теперь женщина восхищается своим телом, оно является предметом ее гордости, и она осуждает своего отца, пренебрегающего культурно обусловленными нормами отношения к себе. Она возводит чисто автореферентную ситуацию в статус обобщенной, повторяющейся, делая вывод, что женщины более внимательны к культурным требованиям, чем мужчины, и что необходимо строго следовать культурно обусловленному стереотипу женщины, а также типизированному представлению о красоте. За совокупностью самоидентифицирующих высказываний о теле встают более глубокие смыслы, отражающие такие качества, как сила характера, упорство, целеустремленность, которые также следует отнести к гендерно-специфичным характеристикам женщины в британской и американской культурах.

Как было установлено, концепт “Body” являет собой некое неизменяемое «гендерное ядро» прототипической фемининности в британской и американской культурах. Анализ женских блогов дает возможность утверждать, что концепт “Body” является одним из опорных концептов женского автореферентного дискурса. Приведем только два примера из множества им подобных: *They wonder why so many girls have eating disorders, cut themselves, we are starving ourselves, of self-love, empowerment, knowledge and being shunned by control. I can't even tell you how worried I am about relatives and close friends seeing how much weight I've gained when I should be thinking of how nice it will be to see them this holiday season and then getting panic attacks over OMG what if they see me going for a second round of food or stuffing why do I enjoy crucifying myself... ..yes, my ass had grown plumper since a few months ago and it could very well be forming its own town but why*

is physical beauty more important to us than our inner makes no sense; People tell me I have a "beautiful face". This will sound pouty and arrogant, but it's anonymous so, I can vent. They used to say I was beautiful. Period. No qualifying it. Now I weigh 50 pounds more than I did 6 years ago. I still have the face, but the body is not beautiful. I want to be self-loving and embrace all of me. But that catty, mean-spirited, relentless internal monologue is louder than the supportive one. I see other women my size and I think they are beautiful. Real and curvy and sexy – why can't I see myself that way? I want to be wholly beautiful again. Is this who I am? Do I just have to accept it? OR can I regain that former glory? I hate this lack of confidence. Now THAT's ugly. Insecurity is the ugliest, most self-indulgent thing there is.

Из двух типов описания отношения женщины к самой себе – толерантного и нетолерантного [8] – в женских блогах преобладает описание нетолерантного отношения. Женщина присваивает себе гендерную идентичность на основе физических признаков, которые оцениваются по степени их соответствия нормативному представлению о феминности. Эталон красоты тела, сформированный в коллективном сознании, заставляет женщину, не соответствующую ему, ненавидеть свою внешность. Эта некая неписаная норма красоты является причиной отрицания себя. Нетолерантность женщины проявляется по отношению к самой себе, поскольку ее Я-реальное не совпадает с Я-идеальным, созданным культурным сообществом.

Итак, если женщина определяет в автореферентном дискурсе свое тело как красивое, то это означает, что она дискурсивно «присуждает» себе прототипическую феминность, поскольку само моделирует в автореферентном дискурсе это главное культурное феминное качество. Если же женщина определяет свое тело как некрасивое, то это означает, что она признает свое отклонение от прототипа феминности, признает, что не является в должной мере «женщиной» с точки зрения социальных гендерных ожиданий.

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Номинация, референция, значение // Языковая номинация (Общие вопросы). М. : Наука, 1977. С. 188 – 206.
2. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М. : Прогресс, 1974. 448 с.

3. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград : Перемена, 2002. 477 с.

4. Кирилина А.В. О применении понятия «гендер» в русскоязычном лингвистическом описании // Филол. науки. 2000. № 3. С. 18 – 27.

5. Кубрякова Е.С. О термине «дискурс» и стоящей за ним структуре знания // Язык. Личность. Текст : сб. ст. к 70-летию Т.М. Николаевой / отв. ред. В.Н. Топоров. М. : Яз. славян. культур, 2005. С. 23 – 33.

6. Плотникова С.Н. Борьба против идентичности миров // Этносемиотика ценностных смыслов : кол. монография. Иркутск : ИГЛУ, 2008. С. 97 – 115.

7. Потапов В.В. Многоуровневая стратегия в лингвистической гендерологии // Вопр. языкознания. 2002. № 1. С. 103 – 130.

8. Солодкова Е.В. Нетолерантность к самой себе как когнитивный стиль женского дискурса // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах : сб. ст. участников V Междунар. науч. конф. Челябинск, 26 – 27 апр. 2010 г. Т. 2 / редкол. : д-р филол. наук, проф. Е.Н. Азначеева [и др.]. Челябинск : Энциклопедия, 2010. С. 209 – 211.

9. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. М. : Акад. проект, 2004. 990 с.

10. Erikson, H.E. Identity: Youth and Crisis. N.Y. : Norton, 1968. 336 p.

11. Lakoff R. Language and Woman's Place. N.Y. : Harper & Row, 1973. 329p.

12. Tannen, D. Gender and Conversational Interaction. Oxford : Oxford University Press, 1993. 352 p.

13. The New Oxford Dictionary of English / ed. by J. Pearsall. N.Y. : Oxford University Press Inc., 1998. 2152 p.

14. The Oxford Dictionary of Current English / ed. by D. Thompson. N.Y. : Oxford University Press, 1998. 1136 p.

15. Home Journal Ladies. URL : <http://www.lhj.com>.

The concept "Body" in the English female autoreference discourse

There is introduced the notion of autoreference discourse which implies the message about one's own identity that means the discourse about oneself as about the main referent. There are regarded the characteristics of female autoreference discourse in the American and British cultures. There is defined a certain "gender centre" of female communicative individual – desire for prototype femininity the main concept of which is the concept "Body".

Key words: *discourse, concept, reference, autoreference, autoreference discourse, identity, gender.*